

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

EDN EZPBMA

**Социальное конструирование и воспроизводство псевдоэтноса «кавказцев»:
историко-социологический анализ дискурсивных практик¹****Артем Ю. Перетяtko¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена социологическому анализу генезиса и воспроизводства феномена псевдоэтноса «кавказцев» в русскоязычном дискурсе XVIII–XIX вв. Данная статья представляет собой попытку проанализировать некоторые аспекты воображаемой географии Кавказа. Сама идея воображаемой географии в значительной степени основана на концепции "Ориентализма" Э. Саида, вызывающей споры до настоящего времени. В частности, ни среди отечественных, ни среди зарубежных авторов нет единства в вопросе о том, применим ли ориентализм для описания практик взаимодействия с «Востоком» Российской империи.

Методы. Исследование встроено в парадигму социологии знания и социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман). На материале текстов И.Г. Георги, Т.Н. Макарова и И.С. Ульянова посредством дискурс-анализа и историко-социологического метода реконструируются практики категоризации, приведшие к формированию обобщённого социального типажа («кавказца») как элемента коллективных представлений. В своей статье мы будем основываться на представлении К. Гинзбурга о том, что «социальная конфигурация» представляет собой не нечто целостное, но совокупность «индивидуальных стратегий». В рамках подобного подхода необходимо изучать не только гипотетические универсальные особенности некоей группы, но подробно анализировать индивидуальные особенности ее отдельных членов.

Результаты и их обсуждение. Доказано, что конструкт псевдоэтноса возник не как продукт целенаправленной идеологии (ориентализма), а как результат рутинных когнитивных и коммуникативных практик, обусловленных дефицитом информации, утилитарными нуждами управления и логикой бинарного оппозиционирования («свой» – «чужой»). Делается вывод о фундаментальной укоренённости подобных упрощённых классификаций в социальном восприятии сложно структурированных регионов, что имеет прямое отношение к современным социологическим проблемам формирования социальных границ, этнических стереотипов и управления полиэтничностью. Мы приходим к выводу, что при всем различии воображаемых географий Кавказа, созданных

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Статья основана на докладе, прочитанном в рамках XVI Всероссийского научно-практического форума «Большой Кавказ: ценностные ориентиры, социокультурные ландшафты, политическая консолидация».

тримя разобранными нами авторами, их роднит схожая модель представлений о этничности на Кавказе. С одной стороны, этим авторам известно о существовании на Кавказе множества народов; с другой, в реальности они не дифференцируют большую часть этих народов, а интерпретируют их в качестве единой группы, фактически псевдоэтноса кавказцев. Подобная особенность увязывается не с идеологией, которая у всех разобранных авторов различна и отлична от ориентализма Э. Саида, а с самой спецификой кавказского региона: внешнему автору действительно объективно сложно дифференцировать многие народы Кавказа, особенно если он, действуя «архаическим и самым распространенным в народоописаниях начиная с античных времен способом», будет сравнивать эти народы не друг с другом, а со «своим» народом. Следовательно, существование в воображаемой географии Кавказа псевдоэтноса кавказцев оказывается неизбежным.

Ключевые слова: социальное конструирование реальности; псевдоэтнос; воображаемая география; социология знания; дискурс-анализ; социальные границы; этнические категории; историческая социология; Кавказ.

Для цитирования: Перетьяко А. Ю. (2025). Социальное конструирование и воспроизводство псевдоэтноса «кавказцев»: историко-социологический анализ дискурсивных практик. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С.28-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

The problem of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geography

Artyom Yu. Peretyatko¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract.

Introduction. This article constitutes an attempt to analyze some aspects of the imaginary geography of Caucasus. The idea of imaginary geography is, to large extent, based on the concept of “Orientalism” by E. Said, causing controversy to this day. In particular, neither among domestic nor foreign authors there is solidarity on the question whether orientalism is applicable for describing the practices of interaction with the “East” of the Russian Empire.

Methods. We are basing our article on the concept of C. Ginzburg that “social configuration” doesn’t constitute something whole, but a totality of “individual strategies”. In the framework of this approach we must study not only the hypothetical universal features of a certain group, but thoroughly analyze individual features of its separate members. We analyze 3 imaginary geographies of Caucasus of the Russian Empire period: by J.G. Georgy, T.N. Makarov and I.S. Ulyanov. At the same time, we will also rely on the ethnolinguistic concept of “pseudo-ethnicity”: it is a “construct of naïve consciousness that appeared as a result of erroneous ethnic classification”.

Results and its discussion. We come to a conclusion that, despite the differences of the imaginary geographies of Caucasus made by the three authors we analyzed, they have a similar model of ideas about ethnicity in Caucasus. On the one hand, these authors know about the existence of many different peoples in Caucasus; on the other hand, in reality they don’t differentiate most of these peoples, but interpret they as a single group, a de facto pseudo-ethnicity of “Caucasians”. Such peculiarities link not to ideology, which was, for all the analyzed

authors, different from the orientalism of E. Said, but to the very specificity of Caucasus region: it is indeed objectively difficult for an external author to differentiate many peoples of Caucasus, especially if, acting in an “archaic and most widespread in the people-describings, starting from the antique times, manner”, they will compare these peoples not with each other, but with “their own” people. Consequently, the existence of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geographies becomes inevitable.

Keywords: social construction of reality; pseudo-ethnos; imaginary geography; sociology of knowledge; discourse analysis; social boundaries; ethnic categories; historical sociology; Caucasus.

For citation: Peretyatko A.Yu. (2025). The problem of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geography. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 28-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

Введение

Современная социология, изучающая механизмы формирования коллективных представлений и межгрупповых отношений, всё чаще обращается к историческому материалу как к полю для выявления устойчивых социальных паттернов. Феномен «воображаемой географии», то есть социально сконструированных образов пространства и их обитателей, представляет собой ключевой объект для социологии знания и исследований социального конструирования реальности. Кавказ, как исторически сложный полиэтничный регион, вошедший в состав Российской империи, стал мощным катализатором для выработки разнообразных дискурсивных практик его осмысления и категоризации. Традиционный анализ этих практик через призму ориентализма Э. Саида, будучи продуктивным, часто редуцирует их многообразие к единой логике колониального доминирования. В данной статье предлагается сместить фокус с идеологического анализа на социологическое исследование рутинных механизмов производства знания. Цель работы — выявить, как в конкретных исторических контекстах через индивидуальные и институциональные практики письма, перевода и историописания конструировалась и легитимировалась устойчивая социальная категория — псевдоэтнос «кавказцев». Этот процесс рассматривается как форма социальной категоризации, имеющая фундаментальное значение для понимания того, как общества упорядочивают сложную социальную реальность, проводят символические границы и создают основу для последующих социальных взаимодействий и конфликтов.

«Век Просвещения подчинял географию своим философским конструкциям, населяя атласы идеологическими деталями, неподсудными стандартам научной географии. <...>. Считалось вполне допустимым “открывать” Восточную Европу, ни разу в ней не побывав», – писал Л. Вульф в своей знаменитой книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (Вульф, 2003, 38; 40). Л. Вульф цитировал еще более знаменитую книгу, «Ориентализм» Э. Саида, в которой говорится, что ориентализм – это «стиль, с помощью которого Запад подавлял, перекраивал и подчинял себе Восток», и делал вывод, согласно которому сама концепция «Восточной Европы»² «неразрывно связана с развитием ориентализма» и изначально «с

² «L'Europe orientale» на французском, главном языке науки тех времен, когда эта концепция формировалась (Вульф, 2003, 38).

небрежностью исключала Восточную Европу из Европы в полном смысле этого слова, исподволь объединяя ее с Азией» (Вульф, 2003, 38).

Можем ли мы хотя бы попытаться понять, каким конструктам и идеям подчинена воображаемая география Кавказа? В.О. Бобровников вполне резонно обращает внимание на то, что еще для русских романтиков первой трети XIX в. Северный Кавказ безусловно являлся частью не России, а «мусульманского Востока» (Бобровников, 2018, 224). Он прямо призывает изучать именно воображаемую, а не только реальную географию «бывших восточных окраин империи», в том числе с опорой на тексты сотрудничавших с Россией мусульман (Бобровников, 2018, 230). Однако при попытке реального изучения воображаемой географии Кавказа мы сталкиваемся с рядом фундаментальных, если не экзистенциальных проблем.

Значительная их часть подробно описана в статье «Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа» В.В. Цибенко, в которой как раз критикуется и учебник, написанный В.О. Бобровниковым (Цибенко, 2014, 69–77). Мы считаем возможным выделить данные проблемы в три основные группы:

1) Проблемы гносеологического характера. В.В. Цибенко указывает на тот факт, что уже само принятие концепции ориентализма дискредитирует и разрушает востоковедческую науку (Цибенко, 2014, 72). Логика здесь совершенно понятна – если европейский ориентализм был не более чем методом господства Запада над Востоком, то традиционное востоковедение, изучающее «Восток» в классическом для европейской культуры значении, рискует оказаться лженаукой, не просто изучающей фиктивный объект, но еще и объект, сконструированный с целью обеспечить господство Запада над Востоком. Кроме того, В.В. Цибенко обращает внимание на следующий факт: В.О. Бобровников призывает сместить акцент кавказоведческих исследований с того «как все происходило “на самом деле”» на «субъективный фактор», то, «как готовились и воспринимались колониальные преобразования» (Цибенко, 2014, 76). В.В. Цибенко задается вопросом, «стоит ли вставать на эту зыбкую почву» (Цибенко, 2014, 76)?

2) Проблемы применимости идей Э. Саида к России и Кавказу. В.В. Цибенко обращает внимание на критику работ Э. Саида целым рядом авторов, от профессиональных ученых Б. Льюиса и Р. Ирвина до «представителей арабского и исламского миров», например, публициста, скрывающегося под псевдонимом Ибн Варрак (Цибенко, 2014, 70–71). Для нас в данном случае не принципиальны детали критики: важно то, что идеи Э. Саида не являются безусловно признанными. При этом сам Э. Саид не рассматривал вопроса о том, применима ли концепция ориентализма для Российской империи/СССР (Цибенко, 2014, 72). Мнения иностранных исследователей на этот счет различны: одни из них (в частности, Н. Найт) считают, что российское востоковедение имело свою специфику, не сводимую к западноевропейскому ориентализму, а другие (А. Халид) с этим не согласны (Цибенко, 2014, 73).

3) Социально-политические результаты использования идей Э. Саида. В.В. Цибенко подчеркивает, что в советский период даже колониальные сюжеты описывались через призму существования эксплуататорских элит над «братскими народами» – т. е., по крайней мере, различным народам не приписывались положительные и отрицательные коннотации (Цибенко, 2014, 74). В рамках же концепта ориентализма и, шире, в современной западной историографии в целом граница между колонизаторами и

угнетаемыми достаточно четко проводится по этническому принципу, и применение «такого подхода к кавказской истории неизбежно ведет к нарастанию межэтнической напряженности» (Цибенко, 2014, 74).

Завершая свою статью, В.В. Цибенко призывает российских кавказоведов «вырабатывать собственные подходы и концепции», а не заимствовать идеи, не получившие безусловного признания (Цибенко, 2014, 75) (и к тому же, добавим от себя, изначально возникшие при изучении других регионов). И в данной статье мы попытаемся сделать именно это: мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты воображаемой этнической географии Кавказа, не прибегая к использованию концепции ориентализма.

Методы

Исследование опирается на интеграцию нескольких социологических подходов: 1. Социология знания (П. Бергер, Т. Лукман). Концепт «псевдоэтноса» интерпретируется как социально сконструированный тип, результат объективации субъективных процессов категоризации, который впоследствии интернализируется и воспринимается как часть «данной» реальности. Исторические тексты анализируются как документы, фиксирующие момент институционализации определённых значений и классификаций.

2. Концепция социальных границ (boundary-making). Процесс объединения множества народов в единую категорию «кавказцев» рассматривается как акт проведения символической границы, которая упрощает социальный мир, создавая бинарную оппозицию «мы» (русские/европейцы/имперские субъекты) и «они» (кавказцы). Этот процесс не столько отражает культурные различия, сколько активно их производит и закрепляет в дискурсе.

3. Микроисторический подход и историческая социология. Методология К. Гинзбурга, ориентированная на анализ «индивидуальных стратегий» через пристальное чтение текстов, позволяет реконструировать логику конкретных социальных акторов (учёного, чиновника, историка-любителя). Это даёт возможность увидеть, как макросоциальные процессы (имперская экспансия, формирование научного знания) преломляются в конкретных практиках.

4. Дискурс-анализ. Тексты анализируются не только как источники информации, но и как социальные действия, выполняющие определённые функции: легитимацию власти, упрощение сложности, создание групповой идентичности.

Эмпирическая база сознательно ограничена тремя кейсами, представляющими разные социальные позиции и типы практик: учёный-систематизатор (И.Г. Георги), практик-администратор, решающий утилитарные задачи управления (Т.Н. Макаров), и представитель локальной группы, конструирующий собственную этногенетическую легенду (И.С. Ульянов). Такая выборка позволяет выявить общие социо-когнитивные механизмы, работающие в различных социальных полях.

Анализ дискурсивных практик: механизмы конструирования категории. Социологический анализ выявляет несколько взаимосвязанных механизмов, приведших к кристаллизации категории «кавказцев».

1. Упрощение как ответ на когнитивную перегрузку и дефицит знания. Ситуация, в которой оказался И.Г. Георги, типична для встречи со сложно структурированным социальным объектом. Дефицит достоверной информации и избыток этнических

наименований привели к применению стратегии когнитивной экономии: множественные различия были проигнорированы в пользу создания обобщённого, гомогенизированного типа. Это не ошибка, а стандартная социально-психологическая реакция, которая позже была объективирована в научном (по меркам времени) тексте и тем самым получила легитимацию.

2. Инструментальная рационализация и административная целесообразность. Случай Т.Н. Макарова демонстрирует, как утилитарные потребности имперского управления порождают специфические формы знания. Его проект создания «кавказско-татарского языка» — это яркий пример инструментальной рационализации (М. Вебер). Сложная лингвистическая реальность намеренно игнорируется и подменяется упрощённой, функциональной моделью, пригодной для решения узких задач коммуникации и контроля. Здесь знание конструируется не для понимания, а для эффективного действия в рамках административной системы.

3. Мифологизация и конструирование групповой идентичности. Практика И.С. Ульянова представляет процесс социального мифотворчества, направленного на легитимацию и облагораживание собственной групповой идентичности (донского казачества) через связь с символически значимым Другим – «храбрыми кавказцами». Примечательно, что для этого ему приходится конструировать ещё один, вложенный псевдоэтнос – «православных славяноязычных черкесов». Это показывает, как категория «кавказца» становится гибким символическим ресурсом, который можно наполнять разным, даже противоположным, содержанием в зависимости от целей конкретной социальной группы.

4. Бинарное структурирование как базовый принцип категоризации. Общим для всех трёх случаев является фундаментальная логика сравнения не между кавказскими народами, а с внешним референтом («своими»). Это классический механизм формирования социальной идентичности через противопоставление. Различия внутри категории «они» становятся несущественными на фоне макродифференциации «мы – они». Эта логика, выявленная в исторических текстах, является краеугольным камнем многих современных теорий межгрупповых отношений в социальной психологии и социологии.

Тем не менее, для нас все еще остается актуальной одна из проблем, описанных В.В. Цибенко. Исследуя воображаемую географию, мы рискуем выйти за пределы области проверяемых фактов в область субъективных предположений и интерпретаций. Наиболее очевидным решением этой проблемы является тот, который эта исследовательница сама фактически реализовала в одной из своих статей, посвященной воображаемой географии в современной Турции (Цибенко, 2022, 130–144). В ней В.В. Цибенко анализирует воображаемую географию, оставаясь в области бесспорных фактов, однозначных утверждений и официальных документов, т. е. в области преимущественно публичной политики (Цибенко, 2022, 130–144). «Турция и турецкая нация несут на своих плечах груз географии от Балкан до Кавказа, от Северной Африки до Центральной Азии. Да, география – это судьба, и мы от этой судьбы не уйдем», – подобное утверждение Р.Т. Эрдогана безусловно является фактом и безусловно раскрывает воображаемую географию современных турецких властей (Цибенко, 2022, 139).

Однако, ограничивая исследование воображаемой географии сферой публичной политики, мы сильно обедняем ее. Достаточно очевидно, что свои представления о воображаемой географии имеют люди самого разного уровня образования и профессий. Приведем любопытный и актуальный пример. А.Г. Щербинин и Н.Г. Щербинина попытались проанализировать, как представлены славянские идеи в интернете (Щербинин, 2015, 47–50). Анализируя сообщества в социальных сетях, они обнаружили и сюжеты, фактически напрямую связанные с воображаемой географией, но при этом трактуемые весьма разнообразно. Так, если одни группы ограничивали свою деятельность пропагандой славянских идей в России, то другие подчеркивали «славянское единство Белоруссии, Украины, России» (интересно, что другие славянские страны в это единство, видимо, не попали) (Щербинин, 2015, 47–48). Участники групп часто делили людей на «своих» и «чужих», причем «чужими» могли быть «укропы», т. е. украинцы – следовательно, в рамках данной версии воображаемой географии один из славянских народов интерпретировался как чуждый славянству (Щербинин, 2015, 49). Подобные сюжеты, безусловно, заслуживают изучения, но целостного их анализа А.Г. Щербинин и Н.Г. Щербинина произвести не смогли, связав это с тем, что «мир Интернета еще менее цельный, нежели реальность» (Щербинин, 2015, 48).

Данное высказывание напоминает классическое утверждение З. Кракауэра, неоднократно процитированное К. Гинзбургом, согласно которому «основополагающими свойствами реальности являются ее прерывистость и разнородность» (Гинзбург, 2004, 305). Итальянские микроисторические исследования второй половины XX в., классиком которых был К. Гинзбург, в итоге позволили прийти к выводу, что «социальная конфигурация» представляет собой не нечто целостное, но совокупность «индивидуальных стратегий», которые и следует изучать в максимальном приближении (Гинзбург). Иными словами, если мы говорим не о событийной истории и не о четко сформулированных высказываниях, характерных для упорядоченных дискурсов (политического, научного и т. п.), а о представлениях широких слоев общества, включая и их воображаемую географию, определенная разнородность и неточность являются не недоработкой исследователя, но свойством изучаемого им предмета. Однако это не означает, что общественные представления, с учетом их влияния на объективную действительность, не следует изучать.

Иными словами, изучая воображаемую географию во всем ее многообразии, мы неизбежно будем касаться истории субъективного – истории действительно менее точной, чем объективная история фактов и политических высказываний. Тем важнее, чтобы история субъективного не превратилась в субъективную историю. Поэтому нам следует, учитывая политизированность истории Кавказа, максимально четко определить ту методологию и категориальный аппарат, которые мы планируем использовать.

Нас будет интересовать в первую очередь воображаемая этническая география Кавказа, как вызывающая больше всего споров и даже конфликтов. Изучать ее мы будем, анализируя индивидуальные стратегии отдельных авторов, подробно разбирая их тексты о Кавказе, а не пытаясь обобщать массовые представления о нем – т. е. мы будем опираться на количественные, а не качественные методы исследования. Мы обратимся к трем частным случаям, поскольку рассмотреть большее их количество в небольшой

статье не представляется возможным, однако эти случаи выбраны нами не случайно, и встречающийся в них наиболее важный для нас сюжет широко представлен и в других текстах о Кавказе. Все разобранные нами случаи касаются XVIII–XIX вв. и максимально деполитизированы.

Однако, прежде чем анализировать эти случаи, для прояснения категориального аппарата нам следует ответить на фундаментальный вопрос: какие формы вообще обретает этничность в воображаемой географии людей, не являющихся профессиональными учеными-гуманитариями, если даже среди подобных ученых нет единства в определениях этноса/нации/народа?

А.И. Грищенко в связи с этим вполне справедливо замечает, что «наивные этнические картины мира» существуют в принципе за пределами научных теорий этноса, зато связаны с языками, на которых выражаются (Грищенко, 2011, 439). Между тем в целом ряде европейских языков понятие «народ» связано с семейным родством (в частности, русское слово «народ» связано со словом «род») (Грищенко, 2011, 439). Как считает А.И. Грищенко, это фактически делает «наивного носителя языка» примордиалистом, для которого этничность объективно существует, и связана с происхождением, независимо от того, какие теории этничности господствуют в науке (Грищенко, 2011, 439). Все это создает возможность для существования в языке научно некорректных, но достаточно распространенных словосочетаний, связанных с этничностью и конструирующих ее на основе общего происхождения, например, «кавказская нация» или «этнические негры» (т. е. потомки не вполне корректных с научной точки зрения, но существующих в некоторых наивных этнических картинах мира общностей кавказцев и негров) (Грищенко, 2011, 440).

С учетом подобной языковой ситуации, вполне логично, что, пытаясь дать определение слову «народ» исходя не из теоретических положений той или иной научной теории, а из семантических практик языка, А.И. Грищенко приходит к выводу, что народом всегда называют «некую общность людей», однако однозначно сформулировать универсальные принципы выделения подобных общностей невозможно (Грищенко, 2011, 442). Это приводит исследователя к парадоксальному выводу: «единственным признаком, которым обладают все человеческие общности, признаваемые этническими» является существование этнонима, т. е. общего названия для всех представителей каждой подобной общности (Грищенко, 2011, 442) (что, кстати, идеально иллюстрирует ту разнородность реальности, о которой мы писали выше).

Таким образом, с точки зрения языковых практик, с одной стороны, народом называют некую общность, причем обычно предполагая ее объективное существование, но, с другой стороны, четкие критерии выделения подобной общности отсутствуют. Это позволяет этнолингвистам выделять принципиально важный для нашего дальнейшего исследования этнографический таксон – «псевдоэтнос», «конструкт наивного сознания, возникший в результате ошибочной этнической классификации» (Грищенко, 2011, 441).

Следовательно, в рамках воображаемой этнической географии не просто следует исходить из того, что какая-либо однозначная и четкая система в выделении народов у носителей наивной этнической картины мира может отсутствовать. Необходимо учитывать, что доказательством существования этнической группы в рамках подобной картины мира является сам факт ее выделения через этноним, причем с точки зрения

исследователя, изучающего эту картину мира, данная этническая группа может оказаться псевдоэтносом. Иными словами, наивная этническая картина мира может быть достаточно далека от реальности и для ее восстановления необходим анализ текстов, в которых она отражена – а попытки соотнести эти тексты с реальными фактами в подобной ситуации скорее опасны, поскольку ведут к конструированию причудливого гибрида, смеси реальной и воображаемой географии. Следовательно, самое фантастическое описание этнической группы или описание псевдоэтнуса, если оно достаточно подробно, может быть исследовано, но только путем анализа текстов, в которых это описание зафиксировано.

Исходя из всего этого, исследуя воображаемую этническую географию Кавказа, мы будем опираться на крайне недостоверные тексты авторов, часть из которых вообще никогда на Кавказе не была. Поэтому мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, что восстанавливаемые нами представления о народах Кавказа к реальности отношения не имеют или почти не имеют. Более того, индивидуальные стратегии описания Кавказа у трех разбираемых нами авторов расходятся диаметрально, и было бы точнее даже, в полном представлении с утверждениями К. Гинзбурга и З. Кракауэра о «прерывистости и разнородности» реальности, говорить о трех реконструируемых нами воображаемых географиях Кавказа. Однако как раз общие элементы в этих трех разнородных воображаемых географиях и будут формировать социальную конфигурацию если не общепринятых, то распространенных универсальных представлений о воображаемой географии Кавказа.

Результаты

1. Конструкт «кавказца» как социальный факт. Псевдоэтнос «кавказцев», возникший как «конструкт наивного сознания», в процессе циркуляции в текстах разного уровня (от научных трудов до служебной переписки и любительской истории) подвергся процессу институционализации. Он стал устойчивым элементом языковых практик, административного мышления и исторического нарратива, то есть превратился в «социальный факт» (Э. Дюркгейм), оказывающий обратное воздействие на реальность.

2. Множественность дискурсов и нередуцируемость к идеологии. Исследование подтверждает, что производство знания о Другом не монолитно. Оно осуществляется в разных социальных полях (наука, бюрократия, локальная идентичность) и подчиняется разной логике (познавательной, утилитарной, мифологической). Это ставит под сомнение любые попытки объяснить российские дискурсы о Кавказе исключительно через призму ориентализма как идеологии господства. Социологически более продуктивно говорить о констелляции дискурсивных практик с разнородными генезисами и функциями.

3. Историческая укоренённость современных категорий восприятия. Выявленные механизмы – когнитивное упрощение, инструментальная рационализация, бинарное противопоставление – не являются историческими артефактами. Они продолжают работать в современном обществе в условиях медиатизированной коммуникации, миграционных процессов и политики идентичности. Современное бытовое или медийное использование категории «лицо кавказской национальности» напрямую наследует логике исторически сложившихся практик категоризации.

Первым обобщающим трудом о народах, проживающих на территории Российской империи, стало «Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» И.Г. Георги, созданное в 1770-ые гг. Такой крупный специалист по истории этнографии, как С.А. Токарев, оценивал данную книгу исключительно высоко, утверждая: «Никакая другая страна мира не могла похвалиться в то время подобного рода работой, да ни в одной из них не было тогда накоплено и малой доли того огромного материала» (Токарев, 2015, 133).

В то же время С.А. Токарев обращал внимание, что из фундаментального труда И.Г. Георги наглядно видна несопоставимая степень изученности российской наукой XVIII в. различных регионов Империи (Токарев, 2015, 133–135). И как раз сведения, сообщаемые И.Г. Георги о народах Кавказа, позднейший исследователь характеризовал как «очень скудные и путанные» (в отличие, например, от сведений о народах Поволжья и большей части Сибири) (Токарев, 2015, 134–135). В 1770–1774 гг. И.Г. Георги совершил ряд путешествий по России, изучая различные народы, однако как раз народов Кавказа в числе посещенных им не было (Токарев, 2015, 132).

Иными словами, в конце XVIII в. даже российские ученые очень приблизительно представляли этнографическую карту Кавказа. Описание этого региона, выполненное И.Г. Георги, следует относить в большей степени к воображаемой, чем к реальной географии – и при этом оно достаточно подробно и полно, чтобы полностью реконструировать взгляды автора на кавказские народы.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание то, что описания кавказских народов были включены И.Г. Георги во второй том его труда, называвшийся «О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских» (Георги, 1799, 45–73). Означает ли это, что исследователь считал все народы Кавказа татарскими, т. е., в рамках современной терминологии, тюркскими?

Из небольшого вводного раздела «Кавказские народы» следует, что И.Г. Георги в принципе понимал, что эти народы имеют совершенно различное происхождение: в числе их предков он называл «Греков», «Генуэзцов», «Персиян» и «иных народов» (Георги, 1799, 45). Однако при этом ученый испытывал очевидные трудности в дифференциации народов Кавказа: в его тексте неоднократно встречаются утверждения вроде «Татары как будто бы поглотили сии остатки народов»; «они с ними (татары с местными народами – А.П.) так как и сами между собой чрез женитьбы перемешались, а потому и языки свои перепутали»; «они (народы Кавказа – А.П.), выключая Грузинцов, в устройствах своих не токмо весьма сходствуют, но и часто одна на другую ссылаются»; «тем труднее ныне догадаться, какого кто из них племени» (Георги, 1799, 45–46). Таким образом, уже у И.Г. Георги мы сталкиваемся с вариантом воображаемой этнической географии Кавказа, который представляется нам достаточно типичным, если не характерным для русской культуры: в его рамках, с одной стороны, теоретически признается многонациональный характер Кавказа, а, с другой стороны, на практике народы Кавказа сливаются в недифференцируемую массу «кавказцев», якобы мало отличимых друг от друга.

И действительно, отдельные кавказские народы описывались И.Г. Георги предельно кратко. Иногда сущность описания сводится к тому, что народ во всем похож

на кого-то из своих соседей: так, о «авхазах или абазах» (абхазах) исследователь пишет, будто бы они «в рассуждении нравов, обычаев, языка, жилища, одежды, веры и прочего весьма сходны с Черкесами, так, что их почти и распознать не можно» (Георги, 1799, 57). В других случаях описание приобретает откровенно фантастический характер: о «базианах» (балкарцах) И.Г. Георги пишет, будто бы этот «народ не имеет никакой веры» (Георги, 1799, 53), а часть его представителей говорит «испорченным и перемешанным Богемским языком» (Георги, 1799, 67). Упоминает И.Г. Георги и версию происхождения части «базиан» из Богемии, хотя и признает, что в науке данная версия критикуется (Георги, 1799, 53). С нашей точки зрения, «базиан» И.Г. Георги вообще не следует соотносить с реальными балкарцами: это совершенно фантастический народ, созданный на основе крайне искаженной информации о Кавказе. Наконец, иногда описания кавказских народов, предлагаемые И.Г. Георги, настолько лаконичны, что сводятся к их локализации. Приведем полностью раздел, который этот исследователь посвятил «мильчегам», одному из «кистинских» (т. е. нахских) народов: «Живут в округе сего имени по Аксаю и Сунше в двадцати деревнях, из которых в одной, называемой Истесу и состоящей из 500 дворов, находятся теплые воды. Все они упражняются большей частью в грабеже и разбоях» (Георги, 1799, 61).

Зато после описания всех народов Кавказа И.Г. Георги подробно и основательно занялся общим описанием всех этих народов, используя для обозначения их совокупности псевдоним «кавказцы» (Георги, 1799, 66–73). Вот характерный отрывок из этого описания: «Кавказцы, считая вообще, росту большого, статны, больше худощавы, нежели дородны, лицом мужчины смуглы, нос у них сухощавый, глаза малые, острые и серые, волосы рыжие или черные» (Георги, 1799, 66). Даже характер у кавказцев, в интерпретации И.Г. Георги, оказывался общим: они якобы были «веселы, вежливы, смелы, роскошны», но при этом «суровы, невежды, несправедливы, вероломны и склонны к грабегам и мщению» (Георги, 1799, 66). И.Г. Георги попытался свести в некое единство даже религиозное многообразие Кавказа: в его интерпретации кавказцы «в делах, до веры касающихся, чрезвычайно незнаючи, и о законе своем и сами недоумевают» (Георги, 1799, 73). Соответственно, их вера якобы оказывалась смешением разных религий: так, у кавказских мусульман, согласно И.Г. Георги, имелось «много признаков Христианской веры, но не меньше и языческого суеверия» (Георги, 1799, 73).

И нам остается констатировать, что история псевдоэтнуса кавказцев в русскоязычных текстах восходит к XVIII в. При этом изначально она не была порождена какими-либо явлениями идеологического характера, вроде ориентализма Э. Саида. Более того, в первом обобщающем труде по этнографии Российской империи Кавказ даже не был полноценной частью исламского Востока – вместо этого он представал особым пространством смешения религий, на территории которого люди, считающие себя мусульманами, фактически практиковали синкретическую религию с элементами христианства и язычества.

Причины возникновения псевдоэтнуса кавказцев у И.Г. Георги, по нашему мнению, были связаны с несколькими основными факторами. Во-первых, как мы видели выше, этнография Кавказа в своем развитии отставала от этнографии Поволжья и Сибири, не говоря уже о этнографии славян. Соответственно, исследователь конца XVIII в. имел большую свободу для интерпретаций и додумываний – но еще важнее нам

представляется тот факт, что и он, и тем более его читатель не имели какого-либо общепринятого, базового представления о большинстве кавказских народов. Во-вторых, Кавказ был родиной множества народов, в том числе и совсем небольших. При этом сходство географических условий и заимствование этими народами друг у друга культурных элементов легко позволяло (особенно с описанной выше свободой интерпретации, доступной исследователю) преувеличивать сходства кавказских народов, не замечая их различий. В-третьих, М.В. Лескинен обращает внимание на очень важный для нас сюжет. Даже в XIX в., когда постепенно формировалась этнография как наука, опросники Русского географического общества теоретически предполагали, что для определения особенностей народа следует сравнивать народы, живущие рядом друг с другом и даже группы внутри одного народа – но на практике особенности народов чаще всего определялись «архаическим и самым распространенным в народоописаниях начиная с античных времен способом», сравнением «чужого» народа со «своим» (т. е. обычно с русскими) (Лескинен, 2010, 181). Нетрудно понять, что в рамках тех характеристик, которые давал И.Г. Георги многим народам Кавказа, дифференцировать их друг от друга было затруднительно (напомним, что он совершенно прямо писал – «авхаз» «почти и распознать не можно» от «черкес», а единственной характерной чертой «милчегов» он называл склонность к грабежам – которую приписывал и «кавказцам» в целом). Соответственно, при сопоставлении с русскими воспринимаемые таким образом кавказские народы и должны были слиться в единую не дифференцируемую массу кавказцев, слишком сходную между собой и слишком отличную от русских, чтобы придавать серьезное значение их делению на отдельные этнические группы.

Однако если этнографическая наука со времен, когда писал И.Г. Георги, далеко шагнула вперед и для нее очевидны различия между народами Кавказа хотя бы по таким важнейшим традиционным маркерам этничности, как вера и язык, то носитель наивной этнической картины мира русского происхождения зачастую подвержен влиянию как раз тех факторов, которые влияли на этого исследователя. Он может теоретически понимать, что Кавказ этнически многообразен, однако на практике дифференциация местных народов, особенно небольших, затруднительна для неспециалиста. С другой стороны, все эти народы будут казаться ему инаковыми при их сравнении со «своими», русскими – что может породить иллюзию их сходства. Наконец, в русском языке уже есть готовый псевдоэтноним «кавказцы», восходящий, как мы видим, к XVIII в. Все это делает восприятие по крайней мере частью русского общества представителей народов Кавказа в качестве псевдоэтноса кавказцев вполне закономерным (другой вопрос, что границы этого этноса могут определяться по-разному, и, например, И.Г. Георги отделял «Грузинцов» от прочих «кавказцев»). Несколько упрощая, можно сформулировать так: разница между представителями кавказских народов, например, осетинами и кабардинцами, понятна профессиональному ученому, сопоставляющему их между собой, но может быть совершенно не ясна человеку без гуманитарного образования, сравнивающему их с русскими.

Может показаться, что мы недооцениваем различия между народами Кавказа, очевидные даже непрофессионалу, и, по крайней мере, отличия их религий и языков совершенно недвусмысленны для любого наблюдателя, изучавшего их непосредственно, а не по чужим описаниям. Однако следует учитывать, что подобный наблюдатель-

непрофессионал в своей деятельности будет, скорее всего, преследовать некие практические цели, и его будет интересовать не научно верная классификация народов, языков и религий, но относительно простая классификация, пригодная для этих целей.

Снова обратимся к конкретному примеру. Преподавание языков народов Северного Кавказа началось до того, как эти языки были научно исследованы. Российские власти испытывали необходимость обучения военных переводчиков для Отдельного Кавказского корпуса, и поэтому с 1844 г. началась подготовка к созданию отделения восточных языков при Новочеркасской войсковой гимназии (Артинский, 1907, 134–139). Хотя в настоящее время данный сюжет относительно забыт, именно в Новочеркасске местными преподавателями был создан ряд работ о языках Кавказа. Прежде всего, в 1850–1860-ые гг. однофамильцами с совпадающими инициалами, Д.М. Хандиевыми, были разработаны несколько вариантов графики аварского алфавита (первоначально на арабской, а затем на кириллической основе) (Перетяцько, 2021). В 1861 г. в Санкт-Петербурге вышел «Учебник татарско-адербейджанского наречия, составленный учителем Отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии мирзою Абу-ль-Хасан-Бекком Визировым», ставший одним из первых учебников азербайджанского языка (Визиров, 1861). Таким образом, для преподавателей Новочеркасской гимназии из носителей языков Кавказа, хотя и не являвшихся профессиональными лингвистами, различие между этими языками было очевидно, и созданные ими исследования достаточно четко соотносятся с одним из объективно существующих языков.

Однако первоначально к преподаванию планировалось привлечь русских переводчиков с опытом службы на Кавказе. С этой целью туда в 1844 г. был отправлен служить переводчиком некий Т.Н. Макаров, выпускник астраханской гимназии (Перетяцько, 2021). И, когда в 1853 г. отделение восточных языков было открыто, Т.Н. Макаров выступил с инициативой по публикации подготовленного им учебника «кавказско-татарского языка», т. е. некоего единого языка, на котором говорят все кавказские тюркоязычные народы (Перетяцько, 2021). Показательно, что против издания выступило начальство Отдельного Кавказского корпуса, заявившее, что «всем здесь (на Кавказе – А.П.) живущим известно, что такого языка нет, да и быть не может» (Перетяцько, 2021). Из переписки по этому вопросу, хранящейся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), следует, что в принципе Т.Н. Макаров понимал, что на Кавказе говорят не только на тюркских языках, а сами тюркские языки Кавказа отличны между собой, однако считал, что для практической коммуникации переводчику достаточно знать некий усредненный «кавказско-татарский язык», не вникая в тонкости местной лингвистики (ГАРО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–30об). В итоге на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии Т.Н. Макаров преподавал недолго, а после него переводчиков-практиков русского происхождения, служивших на Кавказе, к преподаванию больше не привлекали (Перетяцько, 2021).

Случай Т.Н. Макарова очень интересен как раз в том отношении, что наглядно показывает: упрощение воображаемой географии Кавказа может быть совершенно осознанной стратегией человека, чья профессиональная деятельность связана с Кавказом, но он не имеет для нее достаточной подготовки. В данном случае переводчик-профессионал, не имеющий, однако, специального лингвистического образования, с

одной стороны, знал о сложности языковой картины Кавказа, а с другой стороны, сознательно игнорировал ее, считая необходимым не изучать эту языковую картину в деталях, но выработать усредненный «кавказский язык», понятный любому представителю народов Кавказа, т. е. фактически представителю псевдоэтноса кавказцев. Подобный подход был связан и с более общими воззрениями Т.Н. Макарова: он выступал за полную русификацию Кавказа, ассимиляцию местных народов, и считал, что она пойдет куда эффективнее, если не создавать письменности для местных бесписьменных языков (Бекоева, 2014, 3–8). Тем не менее, для практических целей подход Т.Н. Макарова оказался вполне удовлетворительным: когда в 1854 г. в Новочеркасск прибыл Д.М. Хандиев, еще не выучивший русского языка, оказалось, что он может говорить с частью учеников на кумыкском (Услар, 1870, 19). Между тем свой «кавказско-татарский язык» Т.Н. Макаров конструировал в значительной степени именно на основе речи кумыков (Макаров, 1848, IV).

Наконец, важно понимать, что воображаемое пространство Кавказа и обитающие там фантастические народы – или псевдоэтносы – совершенно не обязаны обретать негативную коннотацию. В этом отношении наиболее показателен пример донских казаков, в среде которых как минимум с XVIII в. встречаются представления о своем кавказском происхождении. Широко известно свидетельство А.И. Ригельмана, согласно которому донские казаки XVIII в. считали, будто бы происходят «от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов» (Ригельман, 1846, 3). Обратим внимание, что здесь мы снова сталкиваемся не с каким-то конкретным народом Кавказа в качестве мифического прародителя, но с их совокупностью, т. е. фактически с все тем же псевдоэтном кавказцев.

В этом отношении особенно показательна статья донского генерала и историка-любителя И.С. Ульянова «Старина Донских казаков», рукопись которой хранится в ГАРО и относится к началу 1870-ых гг. (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 333–368об). В ней автор последовательно защищает версию о кавказском следе в происхождении казаков: в рамках его гипотезы, хотя первоначально казаки были выходцами из Рязанского княжества, они затем бежали от монгольского ига на Кавказ, где смешались с черкесами/черкасами (И.С. Ульянов использовал оба написания данного этнонима), и только затем переселились на Дон (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 333–353). И.С. Ульянов утверждал, что «крепко держалось всегда между казаками мнение о их кавказском происхождении» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 342об). Писал генерал и о том, что будто бы «донцы в облике своем сохранили смешанные черты европейские с азиатскими, но черты по преимуществу правильные, напоминающие племя кавказское» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 341об–342). Как мы видим, здесь происхождение казаков связывается с территорией Кавказа и с общекавказским антропологическим типом – но не с каким-либо конкретным кавказским народом.

В других местах И.С. Ульянов все же соотносит предков казаков с конкретным народом, с упомянутыми выше черкесами, однако едва ли эти черкесы имеют что-то общее со своим реальным прообразом. Генерал описывает черкес почти исключительно по не слишком надежным описаниям старинных путешественников, прежде всего, приводя цитату из С. Герберштейна: «По свидетельству русских, они христиане, управляются своими законами, в исповедании и обрядах сходятся с греками,

богослужение отправляют на языке славянском, на нем же и говорят. Они самые смелые пираты: на кораблях спускаются в море по течению рек, берущих начало из их гор, и грабят кого только могут, преимущественно же тех, которые ездят из Кафы в Константинополь» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 343об). Таким образом, мифические черкесы-предки казаков оказываются не только православным, но и славяноязычным народом! Достаточно логично, что именно этих смелых, территориально близких к территории Войска Донского и во многом похожих на казаков воинов И.С. Ульянов видел предками донского казачества, даже задаваясь вопросом: «Есть ли хоть на волос разница между этими черкасами и азовско-донскими казаками?» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 343об–344). Напротив, разницу между донскими казаками и «русскими людьми» И.С. Ульянов описывал очень четко: она заключалась в том, что самые ранние казаки были именно морскими разбойниками, каковое занятие никогда не было свойственно никаким другим группам русских (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 342–342об).

В итоге у И.С. Ульянова мы сталкиваемся с уже знакомым нам обобщенным образом кавказца, для которого типичны в том числе разбой и грабеж: «Неудержимое удалство, отвага, грабеж, резня с кем бы то ни было составляли доблесть кавказского человека» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 345). Однако в данном случае эти качества, как видно из приведенной цитаты, оказываются неразрывно связаны с воинской смелостью и направлены на благо, а не на зло: «Донцы высоко держали знамя защитников своей древней отчизны и православной веры, гибли без счету и честно исполнили добровольно принятую на себя миссию» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 346). И, в конечном счете, именно кавказцы оказываются основой донского казачества, вдохновителями для вступающих в его состав людей иного происхождения в первое время существования Донского Войска: «Кавказские выходцы были у первых казаков живыми летописями, передавшими новым сподвижникам своим в чарующей устной речи повесть о черноморских набегах, о битвах с кораблями настоящих бусурман, турок, о добыче...» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 353).

Итак, мы имеем дело с достаточно интересным и оригинальным этногенетическим мифом. В его рамках постулируется существование в прошлом некоей группы черкес, которые, с одной стороны, обладали общим для всех народов Кавказа антропологическим типом и характерным именно для «кавказских людей» сочетанием храбрости, жесткости и склонности к грабежам. С другой стороны, эта группа черкес имела изначально славянское (рязанское) происхождение и, даже смешавшись с настоящими черкесами, переняв их обычаи и этноним, эти черкесы («рязанцы-черкесы» по терминологии И.С. Ульянова (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 345) сохранили православную веру и славянский язык, а свои воинственность и жестокость сумели обратить на благо, поставив их на службу России и православной веры. Вполне понятно, что в реальности подобной этнографической группы среди черкес никогда не существовало, но как раз сравнительная неизученность кавказской этнографии создала предпосылки для того, чтобы И.С. Ульянов объяснил, как ему казалось, вполне логично, загадку происхождения донского казачества существованием народа, который мы бы охарактеризовали как православных славянских кавказцев. И этот народ в рамках разбираемого этногенетического мифа не просто не имел негативных коннотаций – напротив, он выступал в качестве легендарного предка этнической группы самого автора.

Обсуждение результатов

Проведённый историко-социологический анализ демонстрирует, что феномен псевдоэтноса «кавказцев» есть результат длительного процесса социального конструирования, в котором участвовали разнообразные акторы, руководствуясь как когнитивными, так и практическими соображениями. Это не «заблуждение», а социально обусловленная форма производства знания, облегчающая взаимодействие со сложной реальностью, но одновременно и упрощающая, а зачастую и искажающая её.

Научная новизна работы заключается в последовательном применении инструментария социологии знания и концепции социального конструирования реальности к историческому материалу, что позволило перевести анализ с уровня идеологических содержаний на уровень социальных механизмов производства и воспроизводства этнических категорий.

Практическая значимость для социологии заключается в том, что исследование:

Предлагает модель для анализа современных процессов категоризации мигрантов, региональных групп и иных сложно дифференцируемых социальных общностей.

Подчёркивает важность изучения не только идеологических, но и рутинных, утилитарных, административных практик в формировании образов Другого.

Указывает на глубокую историческую укоренённость многих современных этнических стереотипов и социальных границ, что необходимо учитывать в программах, направленных на укрепление межнационального согласия.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный дискурс-анализ современных медиа, образовательных текстов и официальных документов для выявления того, как исторически унаследованные категории и механизмы их конструирования репродуцируются или трансформируются в современном российском социуме.

Разобранные нами три случая конструирования воображаемой географии Кавказа, на первый взгляд, имеют не так много общего между собой. Тем не менее, их достаточно, чтобы прийти к 3 выводам:

1) Кавказ как минимум до середины XIX в. оставался своеобразной *terra incognita* российской этнографии. Если Поволжье и даже Сибирь были относительно исследованы в этнографическом отношении уже к концу XVIII в., то о народах Кавказа тогда даже в научной литературе бытовали достаточно фантастические представления. Даже в середине XIX в. не было профессиональных преподавателей языков Северного Кавказа, и в их роли выступали носители языка и переводчики-практики. Это делало именно Кавказ, с его этнографическим богатством, идеальным локусом для того, чтобы воображаемая география подменяла реальную и в текстах о Кавказе возникали псевдоэтносы, а реальные этносы наделялись фантастическими качествами.

Созданные в это время тексты интересны еще и тем, что демонстрируют подлежащие реконструкции модели того, как их авторы интерпретировали и адаптировали недостаточную информацию о Кавказе, чтобы затем работать с ней в научных и практических целях. Как мы увидим далее, как минимум некоторые из подобных моделей применяются и в наши дни в среде людей, не обладающих глубокими знаниями о Кавказе. Таким образом, ранние русскоязычные тексты о народах Кавказа

имеют не только исторический и культурный, но и социологический интерес: они демонстрируют, как может работать конструирование воображаемой географии полиэтничного региона в условиях недостаточности сведений о нем.

2) Три подробно разобранных нами случая воображаемой географии Кавказа существенно отличаются друг от друга и не сводимы к ориентализму Э. Саида. Для И.Г. Георги Кавказ вообще не являлся полноценной частью мусульманского Востока: напротив, в его интерпретации кавказцы не были настоящими мусульманами и сохраняли элементы христианства и язычества. Кавказ оказывался особым пространством, отличным от Востока и наделенным собственными качествами: формально христианские и мусульманские народы, проживающие на его территории, казались И.Г. Георги близкими друг к другу, а не к остальному христианскому и мусульманскому миру. Т.Н. Макаров исходил из колониальных идей и желал, чтобы Россия завладела Кавказом, однако методы он избрал диаметрально противоположные ориентализму, описанному Э. Саидом. Т.Н. Макаров желал не просто подчинить Кавказ России, но вообще уничтожить его как особое пространство, ассимилировав местные народы. Соответственно, вместо подчинения через заведомо колониальное описание восточных народов, Т.Н. Макаровым предлагалась своеобразная ассимиляция через не-описание: даже языки народов Кавказа в рамках подобной модели оказывались недостойными полноценного изучения, так как их ожидало поглощение русским языком, и для изучения лингвистики народов Кавказа объявлялось достаточным временно, до поглощения этих языков, создать в инструменталистских целях администрирования эрзац, универсальный «кавказский язык», понятный любому кавказцу. Наконец, случай И.С. Ульянова проще и интереснее всего, и принципиально не укладывается не только в концепцию ориентализма Э. Саида, но и в представление о том, что все русские описания Кавказа носят колониальный характер. У И.С. Ульянова кавказцы оказываются мифическими предками его этнической группы, казаков, наделенными идеализированными, а не негативизированными качествами.

Разумеется, из рассмотренных нами примеров совершенно не следует, что среди вариантов воображаемой географии Кавказа, встречающейся в русскоязычных текстах, в принципе нет работ, порожденных ориентализмом в том значении, которое придавал этому термину Э. Саид. Тем не менее, приведенных нами примеров достаточно, чтобы однозначно сказать: в конце XVIII–XIX вв. воображаемая география Кавказа могла конструироваться русскоязычными авторами на основе идей, никак с ориентализмом не связанных. Более того, существовали различные, альтернативные друг другу представления о воображаемой географии Кавказа, и их не следует упрощать, сводя к основанным на какой-либо единой концепции, какой бы она ни была. Следовательно, именно изучение представлений о Кавказе отдельных авторов, без попыток заранее вписать эти представления в какую-либо концепцию, зато с пониманием, что они могут противоречить друг другу, представляется нам наиболее эвристически продуктивным способом исследовать воображаемую географию данного региона.

3) Наконец, при всех различиях, разобранные нами случаи воображаемой географии Кавказа объединяет один важный нюанс. И И.Г. Георги, и Т.Н. Макаров, и И.С. Ульянов в той или иной степени объединяли народы Кавказа в псевдоэтнос кавказцев. Антропологический тип и черты характера (у И.Г. Георги и И.С. Ульянова), религия (у И.Г.

Георги), язык (у Т.Н. Макарова) народов Кавказа сливались в одну более или менее недифференцируемую массу. И, как мы показали, это было достаточно естественной реакцией для авторов, во-первых, недостаточно знающих кавказские реалии, а во-вторых, сравнивающих народы Кавказа не друг с другом, а со «своими» (с русскими и, возможно, у И.Г. Георги, с немцами). Таким образом, псевдоэтнос кавказцев не обязательно связан с некими ксенофобскими или колониальными коннотациями: он может представлять собой естественную реакцию человека, столкнувшегося со сложностью этнической географии Кавказа, но неспособного выделить на этой карте отдельные народы, отличить их друг от друга. В этом случае вполне логично, что неотличимые друг от друга для подобного наблюдателя кавказские народы будут де-факто восприниматься им как псевдоэтнос кавказцев.

И это приводит нас к выводу, что объединение отдельных народов Кавказа в такой псевдоэтнос представляет собой одну из универсальных моделей интерпретации воображаемой географии данного региона, регулярно предлагавшейся различными авторами независимо друг от друга (в частности, И.Г. Георги, Т.Н. Макаров, И.С. Ульянов тоже пришли к ней независимо). Более того, в истории, в отличие от этнографии, псевдоэтнос кавказцев фактически легитимизован, по крайней мере, при описании событий XIX в.: не только авторы того времени, но и современные историки используют в качестве нормализованного псевдоэтноним «горец», под которым понимается представитель любого народа Северного Кавказа³. И, следовательно, псевдоэтнос кавказцев («лиц кавказской национальности») не представляет собой специфического для постсоветских времен феномена, но регулярно возникал и возникает в создаваемой русскоязычными авторами воображаемой географии Кавказа как минимум с XVIII в. Следовательно, воображаемая география Кавказа нередко оказывается подчинена не каким-либо философским или идеологическим конструктам, но «конструкту наивного сознания, возникшему в результате ошибочной этнической классификации», представлению о настолько близком сходстве кавказских народов, что все они или какая-то их часть начинают де-факто восприниматься в качестве псевдоэтнуса кавказцев, которому приписывается сходство в важнейших чертах.

В заключение мы бы хотели поделиться несколькими мыслями о том, что сделанные нами выводы обозначают не в историческом, а в современном контексте. Из них следует, что существование псевдоэтнуса кавказцев в наивной этнической картине мира по крайней мере части людей русской культуры неизбежно: эти люди так или иначе знают о Кавказе и контактируют с выходцами с Кавказа в рамках своих социальных практик, однако реальная дифференциация представителей различных кавказских этносов для них затруднительна. Здесь уместно упомянуть, что в 2024 г. группой молодых исследователей под руководством В.Е. Бубук и М.М. Полетаевой проводилось глубинное исследование ассоциаций студентов-социологов ИСИР ЮФУ 1 курса, которое показало, что в представлениях большинства этих студентов существует некий обобщающий образ кавказца вообще, не предполагающий дифференциации на отдельные народы (материалы исследования готовятся к печати).

³ См., например, Урушадзе А.Т. «Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель» (Урушадзе, 2020, 127–151).

Следовательно, псевдоэтнос кавказцев неизбежно будет существовать в воображаемой географии и далее. И это делает принципиально важным вопрос о том, как в современном российском обществе воспринимают не только представителей отдельных кавказских народов, но и кавказцев в целом, как общность, безусловно существующую как минимум в части наивных этнических картин мира. От этого восприятия зависят потенциальные конфликты и линии разрыва в российском обществе – а исследования этого восприятия выглядят чрезвычайно перспективными.

Литература

- Артинский, И.П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии / И.П. Артинский. – Новочеркасск: Обл. В.Д. тип., 1907. – 469 с.
- Бекоева, Т.А.* Полемика между Кази Атажукиным и Тимофеем Макаровым по поводу введения письменности в Кабарде / Т.А. Бекоева, А.Г. Кудзаева // Известия СОИГСИ. – 2014. – № 14 (53). – С. 3–8. – EDN THEEJB.
- Бобровников, В.О.* Воображаемая география мусульман колониального Востока: понятия, подходы, проблемы / В.О. Бобровников // Новое прошлое/The new past. – 2018. – № 1. – С. 223–235. – <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-1-223-235> – EDN XMROZV.
- Визиров, А.-Х.* Учебник татарско-адербейджанского наречия, составленный учителем Отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии мирзою Абу-ль-Хасан-Беком Визировым / А.-Х. Визиров. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1861. – 207 с.
- Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: НЛО, 2003. – 560 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Георги, И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. II / И.Г. Георги. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1799. – 178 с.
- Гинзбург, К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Гинзбург К. // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 287–320.
- Грищенко, А.И.* Лексическое значение этнонима – семантическое уравнение с двумя неизвестными / А.И. Грищенко // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / Сост. В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова и др. – М.: РУДН, 2011. – С. 437–443. – EDN TDLTQB.
- Лескинен, М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности / М.В. Лескинен. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
- Макаров, Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия / Т.Н. Макаров. – Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1848. – 144 с.
- Перетяцько, А.Ю.* Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850–1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство / А.Ю. Перетяцько, Н.А. Трапш, О.И. Шафранова // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2021. – Т. 12, № 10(108). – <https://doi.org/10.18254/S207987840017116-6> – EDN JOCCSH.
- Ригельман, А.И.* История или повествование о Донских Казаках / А.И. Ригельман. – М.: Ово истории и древностей рос., 1846. – 165 с.

- Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А. Токарев. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 656 с.
- Урушадзе, А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801-1864 гг.): посредник, маргинал, предатель / А.Т. Урушадзе // Журнал фронтальных исследований. – 2020. – № 4. – С. 127–151. – <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251> – EDN BUOUJG.
- Услар, П.К. О распространении грамотности между горцами / П.К. Услар // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1870. – С. 1–30.
- Цибенко, В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции / В.В. Цибенко // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 130–144. – <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144> – EDN LGBRPA.
- Цибенко, В.В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа / В.В. Цибенко // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1(77). – С. 69–77. – EDN SIUMDX.
- Щербинин, А.И. Славянский мир как политический конструкт / А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина // Русин. – 2015. – № 4(42). – С. 37–52. – <https://doi.org/10.17223/18572685/42/4> – EDN VFХКТВ.

References

- Artinsky I. P. Essays on the history of the Novocherkassk military gymnasium. *Novocherkassk: Oblastnaya tipografiya V.D. = Novocherkassk: Regional V. D. printing House*, 1907; 469 p. (In Russ.)
- Bekoeva T. A., Kudzayeva A. G. the controversy between Kazi Atazhukin and Timofey Makarov about the introduction of writing in Kabarda. *Izvestiya SOIGSI = Izvestiya SOIGSI*. 2014; 14 (53): 3-8. (In Russ.)
- Bobrovnikov V. O. imaginary geography of the Muslim colonial East: concepts, approaches, problems. *New past / The New past*. 2018; 1: 223-235. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-1-223-235>. (In Russ.)
- Vizirov A.-H. A textbook of the Tatar-Aderbeijan dialect, compiled by Mirza Abu'l-Hasan-Bek vizirov, a teacher of the Department of Oriental Languages at the Novocherkassk Gymnasium. The viziers. *Sankt-Peterburg: tipovoy. Imperskaya akademiya nauk = St. Petersburg,: type. Imp. Academy of Sciences*, 1861; 207 p. (In Russ.)
- Wolf L. Inventing Eastern Europe: a Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment. *M.: UFO = M.: UFO*, 2003; 560 p. (In Russ.)
- Garos is the State Archive of the Rostov region. (In Russ.)
- Georgi I. G. Description of all the peoples living in the Russian state: their daily rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other assets. Part II. *Sankt-Peterburg: tipovoy. Imperskaya akademiya nauk = St. Petersburg,: type. Imp. Academy of Sciences*, 1799; 178 p. (In Russ.)
- Ginzburg K. Microhistory: two or three things that I know about it / Ginzburg K. // myths– emblems– signs: morphology and history. *M.: Novoye izdatel'stvo = M.: New Publishing House*, 2004: 287-320.
- Grishchenko A. I. The lexical meaning of an ethnonym is a semantic equation with two unknowns. Functional semantics and semiotics of sign systems. Part I: collection of scientific articles; Comp. V. N. Denisenko, O. I. Valentinova et al. *M.: RUDN = Moscow: RUDN*, 2011: 437-443. (In Russ.)

- Leskinen M. V. Poles and Finns in Russian science of the second half of the 19th century: "the other" through the prism of identity. *M.: Indrik = M.: Indrik*, 2010; 368 p. (In Russ.)
- Makarov T.N. Tatar grammar of the Caucasian dialect. *Tiflis: tip. Kantseyariya gubernatora Kavkaza. = Tiflis: type. The Office of the Governor of the Caucasus*, 1848; 144 p. (In Russ.)
- Peretyatko A. Yu., Trapsh N. A., Shafranova O. I. Avar linguistics in the Novocherkassk Gymnasium of the 1850s and 1860s: the experience of the incorporation of Caucasian Mountaineers into the Imperial cultural space. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» = Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021; 12; 10(108). <https://doi.org/10.18254/S207987840017116-6>. (In Russ.)
- Rigelman A. I. The story or narrative of the Don Cossacks. *M.: Ob istorii i drevnostyakh Rossii. = M.: About history and antiquities of Russia*, 1846; 165 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Russian History. *Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii = Moscow: Institute of Russian Civilization*, 2015; 656 p. (In Russ.)
- Urushadze A. T. Highlander in the Russian service during the Caucasian War (1801-1864): mediator, marginal, traitor. *Zhurnal issledovaniy novykh rubezhey = Journal of Frontier Studies*. 2020; 4: 127-151. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251>. (In Russ.)
- Uslar P. K. on the spread of literacy among the highlanders. In collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. III. *Tiflis: Tip. Gl. upr. gubernatora Kavkaza = Tiflis: Tip. Gl. upr. of the Governor of the Caucasus*, 1870: 1-30. (In Russ.)
- Tsibenko V. V. Constructing an ideological discourse on imaginary geography in Turkey. *International analytics = Mezhdunarodnaya analitika*. 2022; 13; 3: 130-144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>. (In Russ.)
- Tsibenko V. V. Between orientalism and orientology: scientific approaches to the study of the Caucasus. *Scientific thought of the Caucasus*. 2014; 1(77): 69-77. (In Russ.)
- Shcherbinin A. I., Shcherbinina N.G. The Slavic world as a political construct. *Rusin = Rusin*. 2015; 4(42): 37-52. <https://doi.org/10.17223/18572685/42/4>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 6.09.2025

Дата окончания рецензирования: 20.10.2025

Дата принятия к публикации: 26.10.2025

Информация об авторе

Перетятко Артём Юрьевич – кандидат исторических наук, Заведующий научной лабораторией, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: peretiatko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Peretyatko Artem Yuryevich – Candidate of Sciences in History, Head of Scientific Laboratory, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: peretiatko@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare